

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Л. Г. Бызов
НА ПЕРЕПУТЬЕ "ВТОРОГО СРОКА"

Первое четырехлетие В. Путина значительной частью общества воспринималось как воссоздание традиционной российской государственности, преодоление затянувшегося переходного периода. Так, после периода "революционной смуты" в умах массовое сознание стало возвращаться в свое "спокойное" традиционное состояние. Сопутствовавшие переменам черты "нового авторитаризма" и общественной апатии также не вызывали слишком сильного беспокойства. Необходимость и неизбежность этих процессов принимались даже в либеральном лагере. "Тяготы радикализма и постепенное стирание из памяти характерных черт старого режима приводят к накоплению социальной усталости и усилению ностальгических настроений по прошлому. Формируется новая конфигурация власти, происходит сближение элит на умеренных основаниях, постепенно складывается новый социально-политический и экономический консенсус... Процесс выхода из революции есть процесс укрепления государственной власти, что предполагает постепенное сближение позиций различных элитных групп, формирование определенного консенсуса по базовым ценностям общественной жизни"[1].

Этот постреволюционный консенсус очень скоро был найден, он в значительной степени сохраняется и по

сей день. Его появление свидетельствует о сформировавшемся общественном запросе на стабильность и порядок, на развитие общества в русле общенациональной парадигмы. "Новые" отношения между обществом и властью, характеризующиеся высоким уровнем доверия к власти практически всех слоев общества, продолжали удерживаться в течение почти четырех лет, несмотря на определенное снижение "градуса ожиданий", проявлявшееся разочарование бездействием власти, а также явную пробуксовку в институциональной сфере, в деле создания новых механизмов управления обществом. Все это позволяло, хотя и с известными оговорками, охарактеризовать наступившую после ухода Ельцина эпоху как *"постпереходную"*, по крайней мере, в той части, которая касалась общественных ожиданий.

Однако, начиная с 2004 г., что-то до сих пор не вполне уловимое стало омрачать настроения в обществе. Но и в тенденцию, противоположную "путинской стабилизации", тоже так и не превратилось. Складывается впечатление, что общество как бы зависло в состоянии неопределенности, одновременно и желая, и боясь каких-бы то ни было перемен.

Бызов Леонтий Георгиевич — кандидат экономических наук, руководитель аналитического отдела ВЦИОМ.

О том, что перемены назревают, говорят социологические данные. Так, были времена, когда наши сограждане неизменно воспринимали каждый новый прожитый год как худший по сравнению с предыдущим. С 2000 г. ситуация поменялась, и вплоть до декабря 2004 г. доля позитивных оценок последнего года превышала долю негативных. Опросы, проведенные различными социологическими центрами в декабре 2004, показали, что массовое сознание словно вернулось в 1999 г. — социальных пессимистов снова становится все больше. Даже среди самых оптимистически настроенных слоев число позитивных оценок 2004 г. "для себя лично" снизилось на четверть. По данным ВЦИОМ, для 56% опрошенных минувший год был либо трудным, либо даже плохим, очень тяжелым. 2003 г. так оценили только 44% опрошенных. Доля же тех, кто оценивает год как очень удачный или хотя бы в целом хороший, упала с 55% до 43%. Но еще хуже обстоят дела с оценкой этого временного отрезка "для России": доля тех, кто считает, что истекающий год был для нашей страны лучше предыдущего, уменьшилась по сравнению с прошлым декабрем наполовину.

В течение всей первой половины 2005 г. число пессимистов продолжало расти. В мае только 19% опрошенных, и то с оговорками признавали, что дела в стране "идут в правильном направлении". При этом 40% не соглашались с этим тезисом. По этим показателям мы как бы снова возвращаемся в 90-е годы.

Таблица 1

Насколько вы согласны с тем, что дела в стране идут в правильном направлении?
(май 2005)

Полностью согласен	4,8
Скорее согласен	14,3
Отчасти согласен, отчасти нет	35,2
Скорее не согласен	24,3
Совершенно не согласен	15,8
Затруднились ответить	5,6

Действительно, в эпоху "мрачных 90-х" до 70% населения полагало, что "страна идет не туда". После начала "путинской" стабилизации в 2000 г. ситуация поменялась на зеркально противоположную. В 2001 г. 55% россиян полагали, что "дела идут в правильном направлении" против 33% сомневающихся в этом. А по итогам 2004 г. впервые в нынешнем веке доля пессимистов превысила долю оптимистов, хотя и не так уж намного (32% пессимистов против 20% оптимистов). Этот экзистенциальный пессимизм охватил все общественные группы, даже наиболее сытый и конформистский электорат "Единой России" (31:26 в пользу пессимистов). Перелом общественного мнения налицо.

Что же плохого произошло в стране, которая не знает куда девать нефтедоллары, текущие "бурным потоком"? Может быть, дело в Беслане и общей потере уверенности в своей безопасности? Участники фокус-групп, которые пытались объяснить, почему, на их взгляд, 2004 г. был хуже 2003-го, в основном говорили об инфляции, росте цен, низком уровне жизни, ухудшении материального положения людей, экономических и социальных проблемах (к обычному перечню которых добавилась замена льгот денежными выплатами). Почти все это присутствовало в нашей жизни и раньше, но в конце 2004 г. количество неприятных обстоятельств жизни перешло у россиян в качество их настроений: заряд социального оптимизма, который общество получило с приходом молодого и сверхпопулярного президента, почти иссяк. Если же говорить об ожиданиях лучшего для страны в целом, то оптимисты аргументируют свои радужные предположения с большим трудом. Чаще всего они высказывают суждения, в которых выражена лишь общая надежда на улучшение ситуации, без

указаний на конкретные аргументы в пользу таких прогнозов: "должно наладиться", "будет не высокосный год", "мы не можем ниже опускаться", "пора уже нам всем жить достойно".

Объективная картина социально-экономической ситуации не выглядит при этом удручающей. Показатели денежных доходов продолжают расти, хотя и медленнее, чем в предыдущие годы. Растут и показатели адаптивности. По данным Госкомстата, летом 2005 г. среднедушевой доход в России превысил 300 долл. на члена семьи, т. е. по объективным показателям России подобралась к наиболее бедным странам Евросоюза. Если в январе 2004 г. доля тех, кто считает себя адаптировавшимися, составляла 58%, то в декабре уже 65%. И, наоборот, процент тех, кто полагает, что никогда не сможет приспособиться к переменам, снизился с 20 до 16%.

Все это свидетельствует о росте социальных притязаний россиян: достигнутый уровень личного материального положения и стабильности в стране уже не удовлетворяет новым запросам к уровню и качеству жизни. И здесь нельзя не вспомнить известную социально-историческую закономерность: революции совершаются не тогда, когда страна находится на пике спада, а тогда, когда пошел рост, но не такой быстрый, как хотелось бы, а то и сменяющийся спадом или стагнацией. Советский народ безропотно вынес сталинские голодовки 30-х и 40-х годов, когда миллионы умирали от голода. А вот брежневская стагнация, когда в середине 70-х экономический рост прекратился и стали нарастать признаки кризиса (до голода было ой как далеко), резко пошатнула исторический оптимизм. Народ быстро разуверился в перспективах советского строя. И именно на подобном опасном вираже находится сегодня Рос-

сия. Пять лет назад большинство российского народа в неизбывной надежде на хорошего царя сразу полюбило удачливого президента. Но слишком уж легко поверили, что "все путем", расслабились, стали строить планы на будущее, а тут вот как-то незадача за незадачей. Проблемы не только не рассасываются, но происходит их накопление.

Выборы В. Путина на второй срок прошли практически безальтернативно. А вот с началом второго срока многое стало меняться. Власти явно заметались, пытаются что-то начать делать, но чем они больше делали, тем яснее становилось, что "как-то все не так", нет ни ясной стратегии преобразований, ни прежней удачливости, когда даже ошибки и промахи обращались в их пользу. И власть стала проявлять явную нервозность, сама поставив на "повестку дня" сценарии распада России, социальной революции и прочих катаклизмов. Безусловно, эта нервозность не может быть интерпретирована как провал путинского правления, но лишь как появление первых симптомов системного кризиса. Если в 2000—2003 гг. казалось, что революция закончилась, Россия стала подниматься с колен, то сегодня многим уже кажется иное — путинская стабилизация представляется лишь кратковременным отдыхом на общем фоне драматических процессов распада и национальной деградации. Вероятно, это и был запрос общества, потому что общество устало, нужна была передышка, нужна была возможность заняться своими собственными делами, забыть про большую политику. Путин дал им эту передышку. Но одновременно ясно, что эта передышка никак не продвинула страну в решении серьезных стратегических задач, стоящих перед ней. Режим стал проявлять просто удивительное бессилие в любых акциях, требующих даже

не мобилизации общества, но хотя бы мобилизации элит.

Тем не менее, запас прочности режима оказался значительно больше, чем предполагали некоторые аналитики, фиксируя неудачи властей в последнее время. И дело не столько в привлекательности самого режима и проводимого им курса и не только в страхе перед переменами, угнездившимся в самых недрах нашего подсознания. Много писалось о том, что В. Путин является для массового сознания не столько президентом, ответственным за реальное положение дел в стране, сколько национальным символом страны, почти таким же как ее герб, флаг, гимн. Может быть, в этом обстоятельстве и следует искать непонятные многим членам экспертного сообщества причины его почти монополярной популярности в народе, которая все в большей степени входит в противоречие с прогрессирующим неприятием В. Путина и созданного им режима среди либеральной интеллигенции.

Казалось бы, в январе 2005 г. режим делает то, что для многих выглядело как попытка самоубийства (имеется в виду пресловутый закон о монетизации льгот). Действия властей болезненно затрагивают интересы самых простых людей, составляющих главную опору режима — и ничего, все сходит с рук. Рейтинг доверия В. Путину падает с примерно 67—68% одобряющих его деятельность до 61—62%. Но уже в феврале растет до 65%, а к лету возвращается до уровня 68%. По данным ВЦИОМ, к концу лета он снова уверенно перевалил отметку в 70%. По данным Фонда "Общественное мнение", снова выбрать Путина в середине февраля были готовы 42% россиян (в середине января их было 43%). Несколько выше оказалась эта цифра в февральском исследовании

ВЦИОМ — 45,9%, однако ее конкретная величина очень сильно зависит от конкретного списка "президентов", обычно указываемых в опросном листе. Примерно на этом же уровне президентский рейтинг сохраняется и к началу лета, а в августе перевалил отметку в 52%.

Все это говорит о том, что запрос общества на стабильность, поддерживавший режим В. Путина с самого его начала, столкнувшись с первыми серьезными испытаниями, все же выстоял. Спираль кризиса не получила своего развития. Сегодня те же аналитики-алармисты говорят о предстоящем осеннем кризисе как "точке X". Дескать, власти замахнулись на все категории граждан — у пенсионеров отняли льготы, у среднего класса — дешевый бензин, у студентов — отсрочки от армии... Однако пока не видно никаких объективных симптомов "краха".

Из всего этого вырисовывается достаточно парадоксальная ситуация. Большая часть экспертного сообщества единодушно говорит о бесперспективности режима Путина, во многом справедливо указывает пороки, создаваемые его административной системой, отмечает появление симптомов затягивания страны в системный кризис. Ему предьявляется суровый счет как в вопросах внешней и внутренней политики, так и во взаимоотношениях с бизнесом, и особенно — в нарушениях политических и информационных свобод. Все эти замечания постоянно входят в разительное противоречие с результатами социологических исследований, которые неизменно говорят о том, что в целом вроде бы все благополучно, путинский режим обладает столь большим запасом прочности, что события типа монетизации льгот его всерьез не в состоянии поколебать.

Почему же все-таки не проходит "новая русская революция", тем бо-

лее в многозначную годовщину столетия революции 1905 года? Или, как ее попытались уже окрасить в модные политические оттенки, "оранжевая революция"? Исследования показывают: протесты, о которых много говорилось как о начале предвестия русской смуты и чуть ли не как о начале русской революции, сконцентрированы в достаточно ограниченной части электората, составляющей 29—31%, а с "ядром", готовым на реальные протесты, в 5—6%. Как показали события первой половины 2005 г., этот электорат не является базовым для Путина, так как за последние годы произошло существенное смещение базовой поддержки президента от слоев со средними и ниже средних доходов к более высокодоходным группам. В наиболее "высокодоходных" группах (реально это, конечно, не богатые, а, скорее, аналог российского среднего класса, достаточно бедного по европейским стандартам) его одобряют на 10,7% больше, чем среди бедняков. В то же время еще несколько лет назад В. Путину в наибольшей степени доверяли те, кто посерединке (наиболее массовые слои населения, не тянущие на средний класс даже по российским меркам), а в наименьшей — как богатые, так и бедные слои общества. И это, безусловно, следствие "нового путинского курса", который можно охарактеризовать как ставку на наиболее экономически самостоятельные и дееспособные слои общества.

Нынешней опорой В. Путина и связываемого с его именем политического режима является "новый средний класс". Это не богачи, но граждане со стабильными доходами, превышающими 5000 руб. на члена семьи. В противовес этой группе возникла своеобразная смычка наиболее богатой, образованной части общества, куда, безусловно, входит политический класс, с нынешней недовольной частью бед-

ных пенсионеров. Возник союз, который заполнил собой пространство средств массовой информации потому, что промежуточные ("средние") слои общества не имеют не столько выхода в средства массовой информации, но в большей степени — желания сказать свое слово. Их просто не интересует то, что происходит вокруг. Их политические симпатии крайне размыты, настроения — конформистские. Протесты пенсионеров для них скорее смешны, потому что это не те люди, которые будут переживать, что им недодали за проезд в общественном транспорте. Эта "новая Россия", живет другой, параллельной жизнью, о которой социологи и журналисты мало что знают. Это и есть новый средний класс, именно он сегодня "делает погоду". Именно этот слой генерирует запрос на стабильность. Путинскому среднему классу нужна стабильность, чтобы никто не мешал ему заниматься своими частными делами.

Каков же собственно "градус" отношения к В. Путину порожденного его режимом социального слоя? Это отношение далеко от слепой восторженности, какая, например, была в отношении Б. Ельцина в 1990—1991 гг. В особенности сказанное касается Путина-политика, который воспринимается обществом с изрядной долей скепсиса. Как политику ему доверяли весной 2005 г. 43,8% россиян, зато Путин-человек вызывал симпатии 73,3% опрошенных. При этом совпадали его высокие оценки и как человека, и как лидера страны у 37,5% россиян (и здесь значительный крен в сторону нового "среднего сословия"). Напротив, 10,6% опрошенных одинаково негативно воспринимали В. Путина и как лидера государства, и как человека — это преимущественно старшее поколение, поддерживающее либо коммунистические, либо националистические лозунги.

Недовольные властью политики, относящиеся себя к либералам, пугают россиян угрозой авторитарной диктатуры. Авторитарные тенденции действительно задевают интересы как политического класса и его интеллектуальной обслуги, так и верхушки бизнеса. Однако рассчитывать на более или менее массовую поддержку своей традиционной социальной базы в этих опасениях либералам не приходится. И дело не только в том, что 62,8% россиян угроза авторитаризма не беспокоит вовсе, а те 7,2%, которых действительно беспокоит угроза "путинской диктатуры", как показывают опросы, сосредоточены на прямо противоположном фланге — среди "левых". Так, среди сторонников КПРФ эта цифра составляет 13,9%, а среди высокодоходных групп таких всего 5,8%. Путинский "средний класс" не склонен пугаться путинской "диктатуры", поскольку те формы, в которых она может проявиться, не задевают коренные интересы этой социальной группы. Ведь даже "тень путинского авторитаризма" — это "правый" авторитаризм, сочетающийся с "правым" социально-экономическим курсом.

Что же в жизни страны вызывает тревогу у большинства россиян?. Мы

нарочно дали в разноречивой общежитийские, социально-экономические проблемы и "демократические фобии", на которых делают упор наши либералы. Вот что волнует реально людей: рост алкоголизма, наркомании; кризис системы ЖКХ; рост числа детей-сирот; рост цен на товары и услуги; низкий уровень жизни большей части населения. Что касается "фобий" из политического арсенала, то они, безусловно, находятся на периферии общественного мнения. Никто не отрицает "авторитарной тенденции" нынешних властей, но серьезной обеспокоенности это не вызывает. Особенно показательна обеспокоенность 1,1% опрошенных "зажимом" свободы слова, который наши демократы делают едва ли не краеугольным камнем своей борьбы. Понятно, что с такой проблематикой отечественным либералам и демократам вряд ли "светит" приход к власти в обозримой перспективе.

Впрочем, обеспокоенность подавляющего большинства нашего общества житейскими проблемами социально-экономического ряда не является каким-то "приговором" курсу властей. Ведь рост цен занимает первое место среди тревог и в ряде "сытых", вполне благополучных запад-

Таблица 2

«Какие события, процессы, происходящие в последнее время в жизни страны, вызывают у Вас тревогу?», % (июнь, 2005)

Рост алкоголизма, наркомании	61,9
Сохранение напряженной ситуации в Чечне и вокруг нее	17,4
Снижение роли оппозиции в политической жизни страны	3,2
Кризис системы ЖКХ, рост жилищно-коммунальных платежей	41,7
Процесс над М. Ходорковским	3,1
Возможность новых террористических актов	23,5
Рост числа детей-сирот, большое количество беспризорных и безнадзорных детей	31,8
Нестабильность отношений со странами СНГ — Грузией, Молдавией, Украиной и др.	6,8
Рост цен на товары и услуги	50,6
Снижение морали и нравственности, падение семейных ценностей	18,9
Реформирование пенсионной системы, системы льгот	11,4
Охлаждение отношений России с Западом	0,9
Рост нерусского населения в традиционно русских областях	14,2
Ограничение свободы слова в центральных и региональных СМИ	1,1
Рост преступности, в том числе среди детей и подростков	20,8
Низкая гражданская и правовая культура людей, неумение бороться за свои права	6,3
Сокращение доступа к бесплатному образованию, медицинскому обеспечению	22,1
Коррупция, засилье бюрократии	14,7
Низкий уровень жизни значительной части населения	32,2

ных стран. И население в них намного нетерпимее нашего даже при малейшем ущемлении своих экономических и социальных прав. Поэтому рост социального недовольства совершенно необязательно должен перерасти в какие-то политические катаклизмы. Тем более, что ни В. Путин, ни нынешнее правительство не демонстрируют безоглядной последовательности в деле социального реформирования. И все же — за счет чего растет число пессимистов, полагающих, что "страна идет не туда"?

Несмотря на более чем терпимое отношение россиян к нынешнему режиму, с ним не связываются надежды на установление справедливого общественного строя. С нынешним строем можно мириться (более 70% опрошенных регулярно заявляют о том, что уже приспособились к переменам последних десятилетий), но нельзя его признавать ни справедливым, ни идеальным. Ведь "идеальное" общество не описывается в терминах "капитализм" или "социализм". Только 12,5% опрошенных считают, что для России подходит строй, основанный на рыночных отношениях, немногим больше — 18,1% — хотели бы вернуться вспять, к социалистическому строю, какой был в СССР. Еще меньше — 11,1% — хотели бы жить в национальном государстве русских и создавать строй, основанный на национальных русских ценностях. По мнению же 43,8% опрошенных, будущий строй должен сочетать в себе как рыночные идеи, так и социалистические и национальные. Речь идет о синтезе, которого сегодня не только нет, но и приближения к нему нет. Нарисованный в этом виде "образ будущего" является сегодня скорее социальной утопией. Это "мечта о порядке", когда под словом "порядок" понимается отнюдь не установление репрессивного режима и "закручивание гаек", а формирование общественного порядка,

который признается большинством общества справедливым и эффективным. Речь идет о завершении революционного периода, длящегося уже не одно десятилетие. Несмотря на общую социальную-политическую стабильность в стране, которую не могут поколебать даже акции протестов, только 17,1% признают справедливость и эффективность нынешнего социально-политического строя. В обществе доминирует установка на постепенную эволюцию нынешнего строя в направлении большей эффективности и справедливости, так, 40,4% опрошенных, хотя и видят множество недостатков в существующем положении вещей, не хотели бы менять строй путем новой революции и новых социальных потрясений. Иной точки зрения придерживаются 32,5% россиян, настолько не принимающие нынешний строй, что выражают готовность к более решительным формам его замены на лучший.

"Революционаристские" настроения сосредоточены преимущественно в "лево-традиционалистской" части политического спектра. Так, среди сторонников коммунистов 45,9% полагают нынешний строй несправедливым и опасным для будущего страны, среди сторонников "иных левых сил" — ровно столько же, 45,9%. Нескольким менее сильны радикальные настроения среди национал-патриотов — 37,3%. Можно предположить, что это недовольство в основном носит культурологический характер, в большей степени, чем политический. Это — феномен неприятия традиционным обществом современной городской цивилизации со всеми ее особенностями. Что же касается современных социальных групп, адаптировавшихся к жизни, то в них доминирует пассивное недовольство социально-политическим строем, причем те, кого нынешний строй устраивает, оказываются в более или

менее значительном меньшинстве во всех идейно-политических группах, даже среди сторонников нынешних властей. Но не случайно "идея стабильности" продолжает занимать ведущее место среди идей и лозунгов, способных, по мнению россиян, объединить наше общество.

Что же касается уже упоминавшихся проблем "по части демократии", то суть их состоит совсем не в том, на что педалируют наши демократы. Наш строй лишь отчасти является демократическим, впрочем, как и политический строй 90-х годов. Став хотя бы формально "демократической", Россия, по мнению большинства опрошенных, так и не стала полностью суверенным государством (лишь 22,7% полагают, что Россия в результате стала полностью суверенным государством). Декларация о суверенитете не только не дала ей суверенитета (30,8%), но и привела к потере того суверенитета, которым обладал в свое время Советский Союз (32,7%). Почему же новая и столь долгожданная российская демократия оказалась неспособной обеспечить государственный суверенитет России?

Демократический путь развития России, избранный в 1990—1991 гг., признан нашими соотечественниками в целом несостоятельным. Не случайно, только 3,1% участников опросов полностью удовлетворены тем как "работает" демократия в новой России, еще 29,6% удовлетворены частично. Вдвое больше тех, кто либо не очень удовлетворен демократическими преобразованиями (35,7%), либо не удовлетворен совсем (23,5%). А среди последних не только сторонники КПРФ или "Родины", не приемлевшие российского варианта демократии с самого начала, но и "яблочники", 71,9% которых также не удовлетворены "работой" демократии. Почему же судьба российской демократии оказалась столь печаль-

ной? По мнению почти половины опрошенных (49,7%), простые люди в "демократической" России остаются безгласными и бессильными повлиять на власть, их мнение никак не влияет на принятие решений. То есть дело не в самой демократии, а в том, что ее исполнение в России оказалось выхолощенным, неполноценным.

Между тем, отвечая на еще более прямой вопрос об особенностях российской демократии, 80,1% опрошенных выражают в целом негативное к ней отношение, заключающееся в том, что "эта демократия мало влияет на нашу повседневную жизнь, все равно нами правят те, у кого больше денег и связей". Считают нашу демократию реальной, позволяющей простым людям влиять на будущее страны, немного меньше — всего 11,5%. По сути, речь идет о том, что в России создана не столько демократия, сколько ее фасад с такими формальными атрибутами, как избираемые населением президент, Государственная дума, органы представительной власти на местах, многопартийность, — но этот фасад никак или в малой степени влияет на повседневную жизнь граждан, не видящих путей защиты своих реальных интересов. Фасадная демократия является лишь ширмой, за которой скрывается весьма антидемократическая реальность нашей жизни. Более того, с точки зрения национального представления о демократии, за пятнадцать лет "демократических реформ" произошел значительный откат даже от той весьма ограниченной демократии, которая имела место в позднесоветский период. 66,5% опрошенных полагают, что, по сравнению с теми временами, мнение простых людей стало учитываться меньше, а демократические выборы не оказывают существенного влияния на нашу жизнь.

Ненамного лучше обстоят дела и с реализацией национальных интересов. По мнению 51,6% россиян, поли-

тика России во времена "демократии" стала в меньшей степени соответствовать ее национальным интересам, чем до этого. Во многом подобное противоречие между демократической практикой и национальными интересами связывается и с тем, что модель демократии, внедренная в российскую политическую систему, является слепком с "универсальной" политической системы, характерной для современных западных стран и независимой от конкретных национальных особенностей. Такая универсальная модель, по мнению 54,8% россиян, не может работать в российских условиях без учета национальных особенностей и традиций России.

В современном российском обществе, особенно на его левом и левоцентристском флангах, нарастает все большее неприятие и наших "демократов", и тех ценностей и политической практики, которая ассоциируется с этим словом. Эту демократию можно назвать "несуверенной демократией". Подобная демократия не является для граждан России "сверхценностью", которой нельзя жертвовать ни при каких обстоятельствах. Лишь 35,7% опрошенных россиян полагают, что "ни в коем случае не следует отказываться от демократических принципов в нашей стране", в то время как 45,7% считают, что "необходимо сплочение общества вокруг национальных интересов, жесткое наведение порядка, а с демократией можно и подождать". Согласно их логике, национальную модель демократии могут породить только общенациональные субъекты, а для их формирования необходима политическая нация. Поэтому формирование нации, формулирование и отстаивание национальных интересов воспринимается как более актуальная, первоочередная задача, чем демократия.

Альтернативой "несуверенной демократии", сформировавшейся в

России, является национальная модель демократии. В чем же она состоит или может состоять? Конкретная модель, подходящая для нынешней России, пока никем предложена не была, однако население воспринимает ее как форму, способную аккумулировать активность общества, его наиболее дееспособных членов. Именно такая "низовая" демократия, включающая механизмы самоуправления и самоорганизации граждан, и должна стать со временем основой национальной демократической модели. 51,4% россиян считают в демократии именно эти составляющие главными, тогда как 26,9% считают главными составляющие верхушечной демократии — свободные выборы руководства страны, многопартийность, политическую оппозицию.

Именно эта часть населения страны — те же 26,9% — воспринимает как значимые для себя угрозы демократическим завоеваниям, правам и свободам личности, опасения в отношении установления в стране жесткого военно-полицейского режима, о чем неустанно говорят политики и СМИ традиционно демократической ориентации. 47,3% россиян такой угрозы не видят, и в первую очередь потому, что нельзя потерять то, чего фактически нет. Задача демократического развития этой частью общества воспринимается как задача будущего, а не как сохранение завоеваний прошлого — итогов развития страны за последние пятнадцать лет. Угроза демократии, по мнению этого большинства, проявляется отнюдь не в сосредоточении власти в руках президента страны (7,2%), не в отсутствии реальной думской оппозиции (14,5%), не в потере независимости СМИ (6,6%), а в совершенно ином. На первое место выходят такие угрозы, как большой разрыв между богатством и бедностью (45,2%), отсутствие равенства всех граждан перед зако-

ном (28,8%), сращивание власти и капитала (25,2%). Эти угрозы невозможно преодолеть в рамках той модели демократии, которая развивалась в стране последние пятнадцать лет, скорее наоборот, именно данная модель во многом и породила подобные угрозы демократии.

Самыми важными атрибутами реальной, а не фасадной демократии общественное мнение признает равенство всех граждан перед законом (44,9%) и равные для всех граждан права в социальной и экономической сфере (33,3%). Именно с достижения этих целей и начинается формироваться политическая нация. Что же касается "верхушечных" атрибутов демократии, то значимым признается только всенародное избрание главы государства (32,0%), что также является важнейшим фактором сплочения нации, возвышение верховной государственной власти над разного рода группами элит. Не придает большого значения выборам парламента (9,3%), а также различного рода формам гражданской активности — участию в жизни партий, политических и общественных объединений (4,9%), участию в митингах, пикетах, забастовках, иных акциях протеста (4,4%). В установлении реальной демократии само общество пока не видит места для своего собственного участия, запрос на новую демократию обращен к властям, к верховной власти, к президенту.

По мнению подавляющего большинства россиян (63,0%), России подходит только президентская республика, в которой президент избирается народом и наделен полномочиями формирования и контроля за исполнительной властью. Собственно, это и есть тот политический режим, который существует в сегодняшней России и ассоциируется с именем В. Путина. В глазах россиян, он представляет значительную ценность, гарантирует политическую стабильность и ук-

репление роли государства. Но как при этом режиме обеспечить преемственность власти? На этот вопрос общество не в состоянии дать сегодня никакого вразумительного ответа. Оно не хочет прихода к власти оппозиции, которая неизбежно станет "властью меньшинства". Страна хочет консолидированной власти, отстаивающей интересы большинства граждан. Она хочет лидера, который бы устроил все основные группы общества, который проводил бы социально-консервативный курс. Если режим не сможет в ближайшие год-полтора сам решить проблему преемственности, выдвинув в качестве преемника фигуру, способную привлечь и консолидировать основные слои общества, политического кризиса и новых "времен смуты" не избежать.

Противоречивым является и отношение россиян к отдельным звеньям административной реформы. Несмотря на сохраняющееся высокое доверие лично к президенту, россияне склонны достаточно критично смотреть на вводимые им меры. По данным специального исследования российской бюрократии, проведенного ИКСИ РАН летом 2005 г., пожалуй, лишь создание Общественной палаты одобряется относительно большинством опрошенных (46,9% поддерживают это нововведение, 7,7% — нет, правда, при этом 45,4% опрошенных сомневаются, что создание Общественной палаты хоть как-то повлияет на работу органов власти и государственного аппарата, чью деятельность и призвана контролировать Общественная палата). Напротив, неприятие населения вызывает отмена выборов депутатов Государственной думы по одномандатным округам, т. е. полный переход к пропорциональной системе. Здесь перевес, хотя и не столь значительный, не в пользу реформы (25,1% против, 17,4% — за). Не в пользу чисто партийного представи-

тельства в Государственной думе и нынешнее состояние политических партий, которым россияне все сильнее отказывают в доверии. Тем более, что в сочетании с повышением избирательного барьера до 7% (в некоторых регионах и выше), усилением административного давления на процедуру регистрации и перерегистрации политических партий, партийный состав Государственной думы оказывается все более предсказуемым, а сама Государственная дума все более зависимой от административных кабинетов. При этом, как указывают некоторые аналитики, при реализации подобного "новшества" число "потерянных голосов", не представленных в будущей Думе, может достигнуть до 40%. Еще одно нововведение, связанное с административной реформой В. Путина — отмена прямых выборов губернаторов, также оценивается весьма неоднозначно, хотя ее плюсы, пожалуй, преобладают над минусами (31,9% против 21,8%). Встреченная год назад скорее негативно эта реформа в ряде регионов показала и свои плюсы, в результате мнение населения стало несколько более позитивным. Тем более, что федеральная власть действует пока довольно осторожно и взвешенно.

И, наконец, идея укрупнения субъектов Федерации, пока реализованная лишь в Пермском крае, оценивается "половина на половину". Так, ее одобряют 26,9% опрошенных россиян, по мнению которых она улучшит

работу органов власти, при этом 27,5% считают, что напротив, произойдет ухудшение их работы. Очевидно, что укрупнение может быть административно эффективно в случае "матрешечных" регионов, где часть субъекта федерации одновременно является другим, самостоятельным субъектом федерации (как в упомянутом Пермском крае, Иркутской и Тюменской областях и т. д.). Также это касается случаев, когда столица области и сама область образуют разные субъекты федерации (Московская, Ленинградская области). Однако результативность и последствия этой меры в других случаях носят явно спорный характер. Ведь столица субъекта Федерации — это не только фрагмент административной вертикали, это социальные и культурные связи, инфраструктура, административная работа с населением субъекта. И укрупнение, т. е. концентрация управленческих функций в меньшем количестве городов может привести к существенному затруднению управления регионом, культурной и социальной деградации значительных территорий.

Однако "ахиллесова пята" путинской административной реформы — это не дискусионность отдельных ее фрагментов. От 45 до 57% опрошенных вообще сомневаются в том, что эта реформа хоть как-то, в ту или иную сторону, на что-то существенное повлияет. Или за ней, как подзревают многие, стоит не столько за-

Таблица 3

«Как повлияют на работу органов власти и государственного аппарата следующие меры политической реформы, предложенные президентом?», %

	Улучшит их работу	Ухудшит их работу	Никак не повлияет
1. Отмена прямых выборов губернаторов и замена их выборами законодательными собраниями субъектов Федерации по представлению президента страны	31,9	21,8	46,3
2. Переход к выборам в Государственную думу по пропорциональной системе (только по спискам политических партий)	17,4	25,1	57,5
3. Создание Общественной палаты для контроля над деятельностью органов власти	46,9	7,7	45,4
4. Укрупнение субъектов Федерации	26,9	27,5	45,6

бота об эффективности государства, сколько политические интриги?

В чьих же интересах действует президент и проводится административная реформа? Если в начале своей деятельности В. Путин имел отчетливо выраженный имидж "выразителя интересов народа, простых людей, защитника от чиновников и бюрократов", то сегодня с этим мнением согласны только 22,2% опрошенных. Не меньше тех, кто полагает, что В. Путин сам является частью бюрократической системы и действует либо в интересах бюрократии в целом (22,7%), либо в интересах отдельных группировок и кланов в своем окружении (22,8%), что, по сути, не сильно отличается от предыдущего мнения.

Как видно, В. Путин проделал в глазах населения эволюцию от "президента народа" к "президенту бюрократии". А в чем же заинтересована сама российская бюрократия? Служит ли она народу или своим собственным интересам? Заинтересована ли она в подъеме России, росте ее могущества? Нет, полагают 66,7% опрошенных россиян, главная цель бюрократии — это "сохранение и постоянное увеличение своего богатства и влияния, невзирая на низкий уровень жизни населения". В ее заинтересованность в повышении благосостояния и уровня

жизни населения верят только 16,6% опрошенных, а в подъеме России, росте ее могущества и того меньше — 2,1%. Сделав ставку на бюрократию как носителя идеи государственности, режим В. Путина пока не сумел качественно изменить саму бюрократию, ее позицию носителя эгоистических и корыстных устремлений. Таков, похоже, тупик "авторитарной модернизации" в российском исполнении.

Сказанное позволяет охарактеризовать нынешнюю Россию как "зависшую" страну, не нашедшую ни путей к объединению граждан в нацию, ни своих адекватных ментальности и традициям механизмов модернизации, ни соответствующей политической системы. Сегодня каркас государственности скорее держится на силе инерции. Пока эта сила кажется довольно прочной. И ее поддержание, пожалуй, и стало единственной разумной стратегией "партии власти".

ЛИТЕРАТУРА

1. В. Май, Интеллигенция, история и революция // Новый мир. 2000. №5. С. 156—161.

Leontiy Byzov in "On Crossroads of the Second Term" speculates on the Putin's stability concept and its perception by the population, as well as on the attitude of the Russians towards various administrative and political innovations of the President.

Таблица 4

«Какое из следующих определений в большей степени характеризует деятельность президента В. Путина?», %

В. Путин выражает интересы народа, простых людей, защищает их от чиновников и бюрократов на всех уровнях	22,2
В. Путин сам является частью бюрократической системы и действует в интересах бюрократии в целом	22,7
В. Путин действует в интересах отдельных группировок в своем окружении	22,8
Затруднились ответить	32,3

Таблица 5

«В чем заинтересована российская бюрократия в первую очередь?», %

В подъеме России, росте ее могущества	2,1
В повышении и своего благосостояния, и уровня жизни населения в целом	16,6
В сохранении и постоянном увеличении своего богатства и влияния, невзирая на низкий уровень жизни населения	66,7
Затруднились ответить	14,6